

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115834>

УДК [811.161.1+821.161.1]’367.625’373.612.2 А. Белый

ГАЖЕВА Инна Дмитриевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии им. проф. Иллариона Свенцицкого Львовского национального университета имени Ивана Франко; пл. Университетская, 1, г. Львов, 79000, Украина; arsenjeva.in@gmail.com; тел.: +38 096 2148357; ORCID ID: 0000-0003-0694-1672

ИНТЕРАКЦИЯ ТРОПОВ В ПРОЗЕ А. БЕЛОГО

Аннотация. Цель статьи — выявить характерные для идиостиля А. Белого синкретичные тропы, основанные на интеракции глагольной метафоры и глагольной метонимии; описать семантические механизмы такой интеракции и соответствующие «семантические эффекты» в свете особенностей художественного мировоззрения писателя. Предмет рассмотрения — сложные тропы, представляющие собой результат интеракции глагольной метафоры и глагольной метонимии. Результат: выявлены отдельные типы синкретичных тропов в прозе А. Белого, описаны механизмы их образования. Выводы. Глагольная метафора и глагольная метонимия нацелены на «подрыв» различных уровней языковой концептуализации, в силу этого использование синкретичных тропов, представляющих собой сплетение глагольных метафоры и метонимии, характерно, прежде всего, для экспериментальных художественных текстов, в частности для прозы А. Белого. Функциональная нагрузка наиболее частотных политропов, представляющих собой результат интеракции метафоры, первичной глагольной метонимии и метонимии обстоятельственной, заключается в реализации приёма остранения.

Ключевые слова: метафора, метонимия, сложный троп, идиостиль, значение глагола.

Постановка проблемы. Исследовательские акценты в области лингвистической поэтики в последнее время сместились с автономного описания тропов и выдвижения одного из них на роль идиостилевой и мировоззренческой доминанты писателя (ср. метафора — для Б. Пастернака, в трактовке Н. Вильмонта [5], метонимия — для того же Б. Пастернака, в трактовке Р. Якобсона [24], метафора — для В. Маяковского, в трактовке того же Р. Якобсона [24]) на изучение процессов интеракции, взаимодействия тропов. Очевидно, что выдвижение того или иного тропа на роль доминантного во многом условно и что характер совмещения разных тропов писателем является более показательным в плане сопоставительного изучения идиостилей. Однако сопоставительное изучение идиостилей с этих позиций пока что — дело будущего, ведь сами типы тропеических сплетений исследованы современной наукой ещё недостаточно. Их описание можно считать одной из актуальных проблем современной лингвистической поэтики.

Обзор предыдущих исследований проблемы. Несмотря на многовековую историю изучения тропов, развёрнутой типологии синкретичных тропов и исчерпывающего описания семантических механизмов их образования на сегодняшний день не существует. Так, эпизодически изучались сложные метафоры, сложные метафорические конструкции и «метонимические метафоры» [8; 9; 14; 15; 20]. Последние, будучи сплетением разнородных тропов, представляют особый интерес для исследователей.

Очевидно, что такие политропные образования чаще всего используются в художественной речи, причём тех писателей, для которых важно языковое экспериментаторство. К числу последних относится Андрей Белый. Комплексное исследование новаторского языка этого писателя представлено в монографии Н. А. Кожевниковой [9]. Однако механизмы образования политропов в ней раскрыты недостаточно полно, поскольку для этого необходимо использовать строгий лингвистический метаязык. Представляется, что экспликация семантических механизмов, лежащих в основе образования политропов у А. Белого, достижима в рамках динамического подхода к семантике лексики [16–19].

Постановка задач исследования. Основные задачи настоящей статьи заключаются в том, чтобы выявить отдельные характерные для идиостиля А. Белого синкретичные тропы, основанные на интеракции глагольной метафоры и глагольной метонимии; описать семантические механизмы такой интеракции и соответствующие «семантические эффекты» в свете особенностей художественного мировоззрения писателя.

Изложение основного материала. В качестве материала исследования используются тексты «Симфоний» А. Белого, которые являются чуть ли не первым образцом орнаментальной прозы в русской литературе. Специфика орнаментальной прозы обусловлена тем, что она представляет собой результат воздействия на неё поэтических структур. Это сказалось в ослаблении сюжетности, в «подминании» сюжета стилем, ср.: «Стиль становится важной движущей силой романа и постепенно смыкается с сюжетом... стилистические особенности начинают самодовлетать и вытеснять собственно содержание» [22, с. 239]. Андрей Белый не просто сближает поэзию с прозой — он вырабатывает свой язык. К. Мочульский характеризовал А. Белого как бесстрашного экспериментатора, который «не оставил камня на камне от старого литературного языка, «...вздёрнул на дыбы» русскую прозу,

перевернул вверх ногами синтаксис, затопил словарь потоком новых, выдуманных им слов...» [13, с. 316–317]. «Дерзновенные, граничащие с безумием опыты А. Белого» хотя и осуществлялись им в русле происходящей модернистской революции, были, кроме того, обусловлены глубоко личными причинами и явились обратной стороной (или следствием) его «поэтического косноязычия» [11, с. 681–687]. Создание своего языка осмыслилось А. Белым как борьба с творческой и лично-биографической немотой, вызванной семейной драмой, которая кошмаром обрушилась на детское сознание будущего писателя и стала источником его трагического мироощущения [13, с. 257]. «Косноязычный, немой, перепуганный, выглядывал «Боренька» из «ребёнка» и «паиньки»; не то чтобы он не имел жестов: он их переводил на «чужие», утрачивая и жест, и язык...» [3, с. 7]. «Свои слова» А. Белый обрёл, став символистом. Однако масштабы и характер языкового новаторства выводили А. Белого за границы символистской поэтики и сближали его с футуристами, М. Цветаевой, обэриутами. Не случайно Н. Бердяев назвал А. Белого первым и единственным футуристом в русской литературе и уподобил его художественное мировидение кубизму П. Пикассо [4, с. 438–456].

Выход А. Белого за пределы символистской поэтики связан с тем, что он «работает» не только с уровнем семантики, но не в меньшей степени и с уровнем синтактики. Если в центре символистской концепции стоит слово, понятое как символ, то для А. Белого также важны неожиданные, а часто и парадоксальные встречи, столкновения слов. Именно поэтому тексты его произведений дают богатый материал как для исследования языковых аномалий, так и для исследования случаев взаимодействия метафоры и метонимии, в частности глагольных.

Наложение и сплетение разнородных тропов — метафоры и метонимии — может быть реализовано как в пределах одной лексемы, обуславливая её полифункциональность, так и в пределах синтагмы [14, с. 12]. В. Полухина и Ю. Пярли в качестве примера полифункционального тропа, реализованного одной лексемой, рассматривают имя *вьюга* в контексте *И от Цезаря далеко и от вьюги* (И. Бродский). Имя *вьюга*, согласно наблюдениям исследователей, одновременно является, во-первых, метафорой придворной жизни, во-вторых, метонимией севера (столицы) в противовес *югу* (провинции), и, в-третьих, оксюмороном или катахрезой, ибо север Италии не означает ещё вьюги [20, с. 12]. При этом обозначенные метафорическое, метонимическое и оксюморонное значения как бы наложены друг на друга в рамках одной лексемы. Если же в качестве политропа выступает глагол, реализующий свою семантику в рамках минимальной синтагмы, то его «сдвинутые» значения накладываются друг на друга лишь частично, будучи «разнонаправленными», обращёнными к разным актантам. Выявление семантических механизмов, лежащих в основе образования такого политропа, очевидно, представляет собой многоэтапную процедуру.

Глагол, предназначенный для номинации целостной ситуации, включает в свою семантику, наряду со значением предиката, значения обязательных участников описываемой ситуации. В связи с этим в толкование глагола, помимо указания на тематический класс и семантический тип глагола, должна входить информация о наборе обязательных участников ситуации и их семантических ролях, а кроме того, характеристика таксономических (ономасиологических) категорий обязательных участников [2; 16; 19].

Разные типы смещения глагольного значения могут создаваться при этом либо за счёт нарушения соответствия семантической роли определённому участнику ситуации, либо за счёт нарушения соответствия участника ономасиологической категории, имплицитруемой глаголом. Общеизвестно, что в языке находят отражение как субъективно-человеческие представления о мире, так и его онтология. Глагольная метафора, основанная чаще всего на референтном смещении имен субъектов [6], нацелена в конечном счёте на то, чтобы пошатнуть самую онтологию, как она запечатлена в языке. Суть же глагольной метонимии состоит в переносе фокуса внимания с одних участников ситуации на других, в их переводе с заднего плана на передний [16–18]. Тот факт, что глагольная метафора и глагольная метонимия нацелены на «подрыв» различных уровней языковой концептуализации действительности: метафора — уровня языковой онтологии (т. е. объективных или принятых за таковые в рамках языковой КМ референтных связей), а метонимия — уровня частного восприятия отдельной ситуации, — создаёт широкий спектр возможностей для их совмещения в рамках одной пропозициональной формы. Необходимо при этом отметить, что использование политропов, представляющих собой сплетение глагольных метафоры и метонимии, является прерогативой собственно художественных текстов, поскольку расшатывание сразу двух уровней концептуализации обрекало бы высказывание обыденной речи на коммуникативный провал. А. Белый, будучи бесстрашным экспериментатором в области художественного словотворчества, одним из первых в русской литературе начинает настойчиво использовать описанного типа политропы как одно из средств семантической компрессии в художественном тексте.

Традиционно считалось, что метонимия работает, прежде всего, на именах. Вопреки этой точке зрения, в последнее время появился целый ряд работ, посвященных исследованию глагольной метонимии [1; 3; 7; 10; 16–18]. Более того, метонимию начинают трактовать как характерный способ организации собственно глагольного значения [10]. Вслед за Е. Л. Гинзбургом, будем различать первичную и вторичную глагольную метонимию [7]. В основе первичной метонимии лежат ассоциации по смежности самих ситуаций, обозначаемых одним глаголом. Так, первичной глагольной

метонимией связаны глагол некаузативного значения и производный от него глагол каузативного значения любой ЛСГ. «Условием образования каузативного значения от некаузативного является превращение субъекта состояния, обозначенного с помощью некаузативного глагола, в «инструмент» или «средство» каузативного» [7, с. 208]. Наиболее часто используемой А. Белым моделью первичной глагольной метонимии является следующая: «производить звуковой эффект определённого сорта — делать так, чтобы этот эффект был» [7, с. 155]. Рассмотрим следующий пример: **Махнул хлыстом, нервно провизжал им в воздухе, как мечом.**

Первым шагом при создании представленного в данной конструкции политропного образования является глагольная метафора, совершающая межреферентный перенос на именах субъектов: S_1 (Хлыст) — S_2 (Человек), **(Хлыст) издал звук — (Человек) провизжал = Хлыст провизжал.**

Метафора, в свою очередь, осложняется сравнением: **Хлыст провизжал как меч.**

Следующим шагом является первичная глагольная метонимия по указанной модели, в результате которой S_1 (Хлыст) понижается до ранга Инструмента, и, таким образом, уходит с центрального плана в описании ситуацию на периферию.

Хлыст провизжал как меч — Некто (человек) провизжал хлыстом, как мечом.

В конечном счёте, в фокусе внимания оказывается человек: действие, онтологически соответствующее человеку (**визжать** имплицитно подразумевает онтологическую категорию «Человек»), отъятое у него и перепорученное члену иной ономазиологической категории (**хлыст** — это «Вещь», «Артефакт») в результате метафоры, вновь возвращается к человеку вследствие глагольной метонимии (**Человек провизжал хлыстом**), то есть понижения **хлыста** (реального источника звука, то есть субъекта ситуации) до периферийного участника — Инструмента. Таким образом, звук, реальным источником которого выступает **хлыст** и качество которого оценивается как **визг** (то есть как звук, онтологически принадлежащий человеку), в результате последующего смещения фокуса внимания связывается (на уровне концептуализации конкретно воспринятой ситуации) опять же с человеком. Следовательно, действие (**визг** — преднамеренное или непреднамеренное действие) возвращается на новой ступени к своему реальному производителю. Что касается семантического эффекта, достигаемого описанными преобразованиями, то он и заключается как раз в том, что в качестве источника **визга** — как следствия определённого комплекса переживаний: раздражения, предстоящего разочарования и душевной боли героя, — подчёркнутого наречием **нервно**, — представлен всё-таки человек, который, не имея возможности **провизжать**, реализует свой «немой визг» в жесте (**Махнул хлыстом, нервно ...**) и материализует его в **визге** хлыста как следствии этого жеста.

Более интересный случай представляют собой политропы, возникающие в результате сплетения глагольной метафоры одновременно и с первичной глагольной метонимией, и с глагольной метонимией вторичной, то есть обстоятельственной.

Под обстоятельственной глагольной метонимией исследователи [7, с. 15; 3, с. 198] понимают употребление глагола, обозначающего смежный признак основного действия для характеристики самого действия. Например, движение может сопровождаться разного рода шумами, звуками. Употребление глагола звука для обозначения движения / перемещения является собой пример обстоятельственной глагольной метонимии: **спуститься по лестнице, прошелестев платьем — прошелестеть по лестнице.** Типы обстоятельственной глагольной метонимии рассмотрены в [3, с. 196–202]. В «Симфониях» А. Белого встречаются сложные тропы, представляющие собой результат наложения друг на друга метафоры, первичной глагольной метонимии и метонимии обстоятельственной. Ср.: **Она, поставив ногу на камень (1), пропела у носа его гибким, звучным хлыстом (2): «Полковник, мне жарко...».**

Представление о ситуации, обозначенной данной пропозицией, нормативно должно быть расчленено следующим образом:

‘Она, поставив ногу на камень (1), сказала (2): «...», махнув у носа его гибким (3), звучным хлыстом, который издал звук (4), будто пропел’.

Разница в количестве предикативных элементов (4 – 2) обусловлена цепью следующих семантических сверток.

1) глагольной метафоры, совершающей межреферентный перенос на именах субъектов:

Хлыст издал звук — Человек пропел;

2) первичной глагольной метонимии по модели «производить звуковой эффект определённого сорта — делать так, чтобы этот эффект был»: **махнула хлыстом, который пропел — махнула хлыстом, пропел им;**

3) обстоятельственной глагольной метонимии по модели «физическое действие — слуховой эффект от совершающего действия»: **махнула хлыстом, пропел им — пропела им;**

4) обстоятельственной глагольной метонимии по модели «речь — сопровождающее её действие»: **сказала ..., пропел им — пропела им: «...».**

В результате описанных семантических свёрток достигается эффект несколько иного, нежели в первом случае, свойства. Во-первых, по-другому оценивается качество звука, издаваемого хлыстом (**хлыст пропел**), поскольку в фокусе внимания оказывается не собственно «звук хлыста», а голос героини (который **пропел** определённые слова). Голос, накладывающийся на издаваемый хлыстом

звук, подчиняет его. В итоге реальный источник доминирующего звука (голоса героини) совпадает с моделируемым (*Она пропела хлыстом*), однако в качестве каузатора (Инструмента) звука (голоса, подчиняющего «звук хлыста») выступает хлыст. То есть слова произносятся не при помощи «традиционного артикуляционного аппарата» (языком, ртом, «лицом»), а хлыстом, рукой, жестом. Можно предположить, что Наблюдатель видит героиню со спины, то есть не видит её лица (говорящих губ), но видит её жест [о роли пластического жеста у А. Белого см.: 12]. Слова же, которые одновременно жесту, расцениваются «младенствующим» сознанием А. Белого как непосредственный результат этого жеста. Присутствие Наблюдателя здесь обусловлено двояко: во-первых, Наблюдатель почти всегда входит в число участников ситуации издавания звука — эксперимент в коммуникативном ранге *За кадром* [16, с. 7], во-вторых, наблюдаемость, как доказывает Е. В. Рахилина, является общим свойством семантики творительного падежа: «творительный во всех своих разновидностях... детализирует ситуацию и тем самым делает ее более зримой, наблюдаемой» [21, с. 505]. Тенденция же к детализации ситуации через расщепление предмета изображения на тело и его действующую часть, инструмент, аспект, атрибут, то есть на фон и фигуру в рамках конструкций с прилагательным творительным является, как было показано в [6], доминантной для идиостиля А. Белого. При этом она коррелирует с другой более глобальной тенденцией к распылению / развоплощению образа мира, ибо для А. Белого «нет уже целостных органических образов. В нём погибает старая, кристальная красота воплощённого мира» [4, с. 7]. Тот факт, что А. Белый связывает издаваемый звук лишь с видимым жестом и видимым его «псевдокаузатором» (*хлыст*), а не с каузатором реальным, известным с детства каждому говорящему из повседневного опыта, — свидетельство отказа писателя от этого опыта, от бремени всего познанного им в течение сознательной жизни, констатация тождества творческого сознания сознанию младенца, который впервые познаёт мир и впервые — основываясь только на визуальных впечатлениях — устанавливает связи между предметами. Иными словами, отказ от конвенций, который лежит в основе приема остранения.

Как известно, именно попытка восстановить художественными средствами взгляд на мир навсегда утраченного детства лежит в основе столь значительных произведений мировой литературы XX в., как «Шум и ярость» У. Фолкнера, «Взгляни на дом свой, ангел» Т. Вулфа, «Школа для дураков» Саши Соколова. Их предвосхищением в русской литературе являются «Котик Летаев» и «Крещёный китаец» А. Белого. Однако то, что на уровне содержания произведения проявилось себя в поздний период творчества писателя, на уровне его языка¹ скрыто присутствовало раньше — уже в период написания «Симфоний».

Выводы. Итак, глагольная метафора и глагольная метонимия нацелены на «подрыв» различных уровней языковой концептуализации действительности: метафора — уровня «языковой онтологии», а метонимия — уровня частного восприятия отдельной ситуации. Это создаёт широкий спектр возможностей для их совмещения в рамках одной пропозициональной формы. Однако использование синкретичных тропов, представляющих собой сплетение глагольных метафоры и метонимии, характерно преимущественно для экспериментальных художественных текстов. В обычной речи расшатывание сразу двух уровней концептуализации препятствовало бы реализации главной функции высказывания — коммуникативной. В прозе А. Белого, который был бесстрашным экспериментатором в области художественного словотворчества, встречаются сложные тропы, представляющие собой результат наложения друг на друга метафоры, первичной глагольной метонимии и метонимии обстоятельственной. Их функциональная нагрузка заключается, главным образом, в реализации тенденции к остранённому взгляду на действительность, позволяющему вскрыть её абсурдность.

Перспективы дальнейших исследований. Плодотворным представляется каталогизация всех структурно-семантических типов сложных тропов того или иного автора, выяснение их частотности, функциональной нагрузки в свете его художественного мировоззрения, принадлежности той или иной культурной эпохе, литературному направлению.

Л и т е р а т у р а

1. Агеева Н. Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. / Н. Г. Агеева. — К, 1990. — 24 с.
2. Бацевич Ф. С. Функционально-ономасиологическое исследование глагольной лексики // Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. — Львов : Світ, 1997. — С. 6–208.
3. Белый А. Между двух революций. Воспоминания / А. Белый ; [подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова]. — М. : Худож. лит., 1990. — 670 с.
4. Бердяев Н. А. Астральный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. — М. : Искусство, 1994. — Т. 2. — С. 438–446.
5. Вильмонт Н. Борис Пастернак. Воспоминания и мысли / Н. Вильмонт // Новый мир. — 1987. — № 6. — С. 205–248.

¹ Ср. о выявлении «ментально-психических структур... автора.., в отдельных случаях извлекаемых из авторского подсознания, так или иначе заявляющего о себе на чисто языковом уровне»: [23, с. 213].

6. Гажева И. Д. Функционально-семантические исследования деепричастной метафоры : семасиологический та ономазиологический аспекты (на материале «Симфоний» А. Белого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 — российская мова / И. Д. Гажева. — Харьков, 2002. — 18 с.
7. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург. — М. : Наука, 1985. — 224 с.
8. Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; Под. общ. ред. З. Ю. Петровой. — М. : Знак, 2009. — 896 с.
9. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого / Н. А. Кожевникова. — М. : Институт русского языка РАН, 1992. — 256 с.
10. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М. : Наука, 1988. — С.141–172.
11. Лотман Ю. М. Поэтическое косноязычие Андрея Белого/ Ю. М. Лотман // Андрей Белый : Проблемы творчества : Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. — М. : Советский писатель, 1988 а. — С. 437–443.
12. Масленникова О. Н. Пластический жест в прозе Андрея Белого / О. Н. Масленникова // URL: http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/ontolog1/12_maslen.htm
13. Мочульский К. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / К. Мочульский ; [сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд]. — М. : Республика, 1997. — 479 с. — (Серия «Прошлое и настоящее»).
14. Некрасова Е. А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики / Е. А. Некрасова // Слово в русской советской поэзии. — М. : Наука, 1975. — С. 111–131.
15. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / В. П. Григорьев, Н. Н. Иванова, Е. А. Некрасова, О. И. Северская. — М. : Наука, 1994. — 271 с.
16. Падучева Е. В. Парадигмы регулярной многозначности глаголов звука / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — Мю1998. — № 5. — С. 3–23.
17. Падучева Е. В. Лексика поэзии и поэзия лексики / Е. В. Падучева // Роман Якобсон : Тексты, документы, исследования. — М. : РГГУ, 1999. — С. 562–568.
18. Падучева Е. В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 239–254.
19. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 609 с.
20. Полухина В. Словарь тропов Бродского : на материале сборника «Часть речи» / В. Полухина, Ю. Пярли. — Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 1995. — 342 с.
21. Рахилина Е. В. Семантика русского творительного падежа: фрагмент / Е. В. Рахилина // Роман Якобсон : Тексты, документы, исследования. — М. : РГГУ, 1999. — С. 496–507.
22. Руднев В. Принципы новой прозы / В. Руднев // Словарь культуры XX в. — Москва, 1999. — С. 239–240.
23. Топоров В. Н. О «блоковском» слое в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» / В. Н. Топоров // Москва и «Москва» Андрея Белого : сб. статей / [отв. ред. М. Л. Гаспаров ; сост. М. Л. Спивак, Т. В. Цивьян]. — М. : РГГУ, 1999. — С. 212–316.
24. Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака / Р. О. Якобсон // Работы по поэтике : переводы / Р. О. Якобсон ; [сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова]. — М. : Наука, 1987. — С. 324–338.

References

1. Ageeva, N. (1990), *Typology and mechanisms of verbal metonymy in modern English : Synopsys* [Типологија и механизми глаголној метонимији в савременом англиском језику : Автореф. дис. ... канд. филол. наук], Kiev, 24 p.
2. Batsevich, F., Kosmeda T. A. (1997), *Essays on functional lexicology* [Очерки по функционалnoj лексикологiji], Svit, Lvov, 392 p.
3. Belyj, A. (1990), *Between the two revolutions. Memoirs* [Между двух революций. Воспоминания / подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова], Hudozh. lit., Moscow, 670 p.
4. Berdiajev, N. (1994), "The Astral Novel (Reflections on the novel by A. Belyj "Petersburg")", *Philosophy of creativity, culture and art : in 2 vol.* ["Astralnyj roman (Razmyshlenija po povodu romana A. Belogo «Peterburg»)", *Filosofija tvorcestva, kulturny i iskusstva : v 2 t.*], Iskusstvo, Moscow, vol. 2, pp. 438–446.
5. Vilmont, N. (1987), "Boris Pasternak. Memories and Thoughts", *New world* ["Boris Pasternak. Vospominanija i mysli", *Novyj mir*], Moscow, vol. 6, pp. 205–248.
6. Gazheva, I. (2002), *Functional-semantic study of the verbal metaphor : semasiological and onomasiological aspect (based on "Symphonies" of A. Belyj) : Synopsys* [Функционально-семантическое исследование глагольной метафоры : семасиологический и ономазиологический аспекты (на материале "Симфоний" А. Белого) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук], Harkiv, 18 p.
7. Ginzburg, E. (1985), *Constructions of polysemy in the Russian language. Taxonomy and metonymy* [Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия], Nauka, Moscow, 224 p.
8. Kozhevnikova, N. (2009), *Selected works on the language of fiction* [Избранные работы по языку художественной литературы], Znak, Moscow, 896 p.
9. Kozhevnikova, N. (1992), *The language of Andrei Bely* [Язык Андрея Белого], Institute of the Russian Language, Moscow, 56 p.
10. Kubriakova, E. (1988), "Verbs of action through their cognitive characteristics", *Logical analysis of language. Cultural concepts* ["Glagoly dejstvija cherez ikh kognitivnyie kharakteristiki", *Logicheskij analiz jazyka. Kulturnyje koncepty*], Nauka, Moscow, pp. 141–172.
11. Lotman, Yu. (1988), "Poetic Tongue-Tongue of Andrei Bely", *Andrey Bely : Problems of Creativity : Articles, Memoirs, Publications. Collection* ["Poeticheskoe kosnoyazychie Andreya Belogo", *Andrey Belyj : Problemy tvorcestva : Stati, vospominanija, publikacii. Sbornik*], Sovetskij pisatel, Moscow, pp. 437–443.
12. Maslennikova, O. *Plastic gesture in the prose of Andrei Bely* [Plasticheskiy zhest v proze Andreya Belogo], available at : http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/ontolog1/12_maslen.htm
13. Mochulskij, K. (1997), *Alexander Blok. Andrei Bely. Valery Briusov* [Aleksandr Blok. Andrey Belyj. Valerij Briusov], Respublika, Moscow, 479 p.

14. Nekrasova, E. (1975), "Metonymic transfer in connection with some problems of linguistic poetics", *The word in the Russian Soviet poetry* ["Metonimicheskiy perenos v svyazi s nekotorymi problemami lingvisticheskoy poetiki"], *Slovo v russkoy sovetskoy poezii*, Nauka, Moscow, pp. 111–131.
15. Grigorev, V. P., Ivanova, N. N., Nekrasova, E. A., Severskaya, O. I. (1994), *Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Paths in individual style and poetic language* [Ocherki istorii jazyka russkoy poezii XX veka. Tropy v individualnom stile i poeticheskom jazyke], Nauka, Moscow, 271 p.
16. Paducheva, E. (1998), "Paradigms of the regular polysemy of verbs of sound", *Topics in the study of language* ["Paradigmy reguliarnoj mnogoznachnosti glagolov zvuka"], *Vopr., Voprosy jazykoznanija*, vol. 5, pp. 3–23.
17. Paducheva, E. (1999), "Lexicon of poetry and poetry of vocabulary", *Roman Jakobson: Texts, documents, research* ["Leksika poezii i poezija leksiki"], *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya*, Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 562–568.
18. Paducheva, E. (2000), "Space in the guise of time and vice versa (to the typology of metonymic transfers)", *Logical analysis of the language. Languages of spaces* ["Prostranstvo v oblichii vremeni i naobrot (k tipologii metonimicheskikh perenosov)", *Logicheskii analiz jazyka. Jazyki prostranstv*], Yazyki rus. kultury, Moscow, pp. 239–254.
19. Paducheva, E. (2004), *Dynamic models in the semantics of vocabulary* [Dinamicheskie modeli v semantike leksiki], Yazyki slavianskoj kultury, Moscow, 609 p.
20. Polukhina, V., Pyarli, Yu. (1995), *Brodsky's tropes dictionary: on the material of the collection "Part of speech"* [Slovar tropov Brodskogo : na materiale sbornika «Chast rechi»], Publishing house of the University of Tartu, Tartu, 342 p.
21. Rakhilina, E. (1999), "Semantics of the Russian instrumental : fragment", *Roman Jakobson : Texts, documents, studies* ["Semantika russkogo tvoritel'nogo padezha"], *Roman Jakobson : Teksty, dokumenty, issledovaniya*, Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 496–507.
22. Rudnev, V. (1999), "Principles of new prose", *Dictionary of culture of the twentieth century* ["Principy novoy prozy"], *Slovar kultury XX v.*, Moscow, pp. 239–240.
23. Toporov, V. (1999), "On the "block" layer in Andrei Bely's novel "The Silver Dove"", *Moscow and «Moscow» by Andrei Bely : collection of articles* ["O «blokovskom» sloe v romane Andreja Belogo «Serebrianyj golub»"], *Moskva and «Moskva» Andreja Belogo : sb. statej*, Russian State University for the Humanities, Moscow, pp. 212–316.
24. Jakobson, R. (1987), "Notes on the Prose of the Poet Pasternak", *Works on Poetics : Translations* ["Zametki o proze poeta Pasternaka, Raboty po poetike : Perevody"], Nauka, Moscow, pp. 324–338.

ГАЗЕВА Інна Дмитрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології ім. проф. Іларіона Свенціцького Львівського національного університету імені Івана Франка; вул. Університетська, 1, м. Львів, 79000, Україна; arsenjeva.in@gmail.com; тел.: +380962148357; ORCID ID: 0000-0003-0694-1672

ІНТЕРАКЦІЯ ТРОПІВ У ПРОЗІ А. БЕЛОГО

Анотація. Мета статті — виявити характерні для ідіостилу А. Белого синкретичні тропи, створені внаслідок інтеракції дієслівної метафори та дієслівної метонімії; описати семантичні механізми цієї інтеракції та «семантичні ефекти» в контексті художнього світогляду письменника. **Предмет** розгляду — складні тропи, що є результатом інтеракції дієслівної метафори та дієслівної метонімії. **Результат:** виявлено окремі типи синкретичних тропів у прозі А. Белого, описано механізми їхнього утворення. **Висновки.** Дієслівна метафора та дієслівна метонімія скеровані на «розхитування» різних рівнів мовної концептуалізації. У зв'язку з цим використання синкретичних тропів, що є сплетінням дієслівних метафори та метонімії, властиво, перш за все, експериментальним художнім текстам, зокрема А. Белого. Функціональне навантаження найбільш частотних політропів, що є результатом інтеракції метафори, первинної дієслівної метонімії та вторинної дієслівної метонімії, полягає в реалізації прийому одивлення.

Ключові слова: метафора, метонімія, складний троп, ідіостиль, значення дієслова.

Inna D. GAZHEVA,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Ivan Franko National University of Lviv; 1, Universytetska St., Lviv, 79000, Ukraine; arsenjeva.in@gmail.com; tel.: +380962148357; ORCID ID: 0000-0003-0694-1672

THE INTERACTION BETWEEN TROPES IN THE PROSE OF A. BELY

Summary. The *purpose* of the article is to identify the syncretistic trails characteristic for the idiostyle of A. Bely, based on the interaction of the verbal metaphor and verbal metonymy; describe the semantic mechanisms of such an interaction. The *subject* of the discussion is the interaction of verbal metaphor and verbal metonymy and the formation of complex tropes. **Result:** separate types of syncretical paths in A. Bely's prose were revealed, mechanisms of their formation were described. **Conclusions.** Verbal metaphor and verbal metonymy are aimed at "undermining" different levels of linguistic conceptualization, so the use of syncretistic tropes, which are a tangle of verbal metaphors and metonymy, is characteristic primarily of experimental artistic texts, in particular, for the prose of A. Bely. The functional load of the complex trails in A. Bely lies in the realization of the reception of the elimination.

Key words: metaphor, metonymy, complex trope, idiostyle, meaning of the verb.

Статтю отримано 20.10.2017 р.